

операцию наталкивается на необходимость более высокого порядка: разрушить гармоническую целостность полной дюжины. Таков операциональный канон алхимии.

Что средневековый алхимик знает про *золото*, кроме того, что оно *совершенно*? Ничего. Такое максималистское определение делает конкретные подробности ненужными. Это — определение «бога» металлов¹². Полное незнание как полное обладание истиной. Теза (*золото*) неконкретна, неопределима в терминах, пригодных для ремесла, но определима апофатически. Между тем металлы-антитезы описаны во всех подробностях. Если теза — *золото* — вне умопостигаемого знания, то антитезы — прочие металлы — и есть знание практикующего алхимика. Конечно, его душа с *золотом*. Зато его практический ум с прочими металлами. Так, исподволь, внутри самой алхимии, готовится цереориентация на несовершенное, земное.

Действия алхимика, по *Роджеру Бэкону*, подражательны. Они — подражание природе, которая «стремится достичь совершенства, то есть *золота*». Но вследствие различных случайностей, мешающих ее работе, происходит разнообразие металлов. Хорошо, если бы и вовсе не было этого разнообразия. Наличие прочих металлов — лишь результат случайных отклонений, накладки в творческой деятельности природы. В этом отношении алхимик — над природой. Сознательная воля плюс помощь бога — залог успеха. Но... сознательная воля. Многообразие металлов — издержки в актах творения. Поправить творение!

Трактат *Михаила Сендивогия* (XVI—XVII в.) «О заблуждениях алхимистов»: «Рождение несовершенных чинится не противу воли творца, потому что он устроил все так для употребления человеческого, ибо человек имеет такую же нужду и в сих металах, и часто большую, нежели в золоте или серебре» (Сендивогий, 1787, с. 311 и сл.). Несовершенное столь же полезно. Практические нужды затемяют чистоту идеи. В ряду антитетических различий делаются остановки. В этих случаях и *железо* — искомая теза. Подобные симптомы в мышлении алхимика неминуемо ведут и к изменениям в способе идеализации объекта, когда антитеза и теза — сравните с неоплатоническим бытием алхимии — перебиваются друг в друга, вновь утрачивая жесткость противопоставленности. Если в XIII—XIV веках антитетический ряд дискретен, в XV—XVI веках иначе. У *Иоанна Исаака Голланда*, например, прочтем: «Каким образом должно превращать все тела? Во всех оных телах две открытые природы надлежит сокрыть и две сокровенные открытыми учинить; потому что открытое несовершенно и исполнено пороков; сокрытое же в металлах постоянно, хорошо и совершенно; и того ради сделай его тайное явным и опять явное тайным, то получишь чистое, совершенное и постоянное тело, которое и навеки таковым останется» (1787, с. 32)¹³. Оппо-

¹² Есть еще, — правда, в ограниченном смысле — бог и над этим богом — философский камень, над ним еще один бог — сам алхимик. Псевдохристианское многобожие.

¹³ Обратите внимание: александрийский ход смещения пиза и верха был в алхимии всегда, то уходя в тень, то вновь выступая на алхимическую авансцену.